

*С. К. Лащенко**

**ПУТЕШЕСТВУЮЩИЙ ДИЛЕТАНТ
И ПРЕКРАСНЫЕ КНЯГИНИ
(М. И. Глинка и Волконские)****

Статья 2

Статья посвящена проблемам «глинкинского круга». Ее героини — Софья Григорьевна Волконская, супруга Петра Михайловича Волконского, и Зинаида Александровна Волконская, супруга Никиты Григорьевича Волконского. Обе княгини стали добрыми друзьями Глинки в его первом европейском путешествии. На основании многочисленных исторических свидетельств и писем восстанавливается история причастности княгинь к итальянской судьбе будущего композитора. В статье также анализируются подробности путешествия Глинки по Италии, причины отъезда музыканта из страны.

Ключевые слова: М. И. Глинка, «глинкинский круг», С. Г. Волконская, З. А. Волконская, Н. Г. Волконский, Италия, Неаполь, Рим.

S. K. Lashchenko

THE TRAVELING AMATEUR AND THE BELLE PRINCES

(Glinka and Volkonsky)

Article 2

The article is dedicated to the problems of the “Glinka’s circle”. Her heroins are Sofia Grigor’evna Volkoskoya, the wife of Peter Mihailovich Volkonsky, and Zinaida Alexandrovna Volkonskaya, the wife of Nikita Grigor’evich Volkonsky. Both of them were ‘the kind friend’ of Glinka in his first European voyage. Based on numerous letters and historical memories analyzed the history of their involvement in Glinka’s Italian life. The article also analyzed the details of Glinka’s journey through Italy, the reasons for musician’s departure from Italy.

* Лащенко Светлана Константиновна, доктор искусствоведения, заведующая Сектором истории музыки Государственного Института искусствознания (г. Москва), vreikh@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00277 «М. И. Глинка: pro et contra. Личность и художественное наследие Глинки в контексте рецепции и интерпретации».

Keywords: M. I. Glinka, “Glinka’s circle”, S. G. Volkonskya, Z. A. Volkonskya, N. G. Volkonsky, Italy, Napoli, Rome.

Присутствие представителей рода Волконских в жизни М. И. Глинки было особенно заметным в годы его итальянского путешествия. Помимо сугубо формальных заочных контактов с П. М. Волконским как министром Императорского двора и уделов, принимавшим решения по итальянскому вояжу певчего Придворной певческой капеллы Н. К. Иванова и М. И. Глинки, немаловажную роль здесь сыграли две представительницы большого семейства Волконских — супруга Петра Михайловича Софья Григорьевна и жена брата Софьи Григорьевны, Никиты Григорьевича, Зинаида Александровна Волконская (урожденная Белосельская-Белозерская). Обе они, приятельствуя друг с другом, жили в 1830-х гг. в Италии, предпочтя итальянские города северной русской столице; обеих роднила искренняя любовь к искусствам, прежде всего к музыке; обе придерживались сходных взглядов и устойчиво-негативного отношения к взошедшему на престол Николаю I.

Причины тому были сложны, запутанны и касались не только общественной и политической позиций обеих дам. У каждой из них была своя история взаимоотношений с Александром I, а З. А. Волконскую, судя по ряду источников, сближали с Императором связи не только дружеские.

В любом случае, скоропостижная кончина Александра I, события, следовавшие за ней, решения Николая I и его коронация никоим образом не способствовали вовлеченности обеих княгинь Волконских в жизнь нового Императора. В отличие от П. М. Волконского, принявшего повороты личной судьбы представителей рода Романовых и судьбы государства в целом. Не удивительно, что и Софья Григорьевна, и Зинаида Александровна все более отдалялись от П. М. Волконского. Хотя незримое присутствие в их жизни министра Императорского двора и уделов все же давало о себе знать, сказываясь в мелочах, которые, собственно говоря, и определяли положение дам как в русском, так и в европейском обществах.

Софья Григорьевна Волконская (1785–1868), дочь оренбургского генерал-губернатора князя Григория Семеновича Волконского и Александры Николаевны, дочери и наследницы фельдмаршала Н. В. Репнина, занимавшей видное положение при Дворе, еще совсем юной горячо и искренне влюбилась в гвардейского офицера, князя Петра Михайловича Волконского, своего хоть и дальнего, но все же родственника, старше ее летами и мудрее ее по своему жизненному опыту.

Выйдя около 1802 г. за своего избранника по большой любви, С. Г. Волконская первое время не разлучалась с ним ни на час, сопровождая супруга даже в его военных походах.

Как и П. М. Волконский, С. М. Волконская вошла в ближний круг четы Романовых, став особой приближенной императору и императрице, пользуясь их неизменным расположением. Величайшим испытанием стало для С. Г. Волконской присутствие при скоропостижной кончине Александра I. Прибывшая в Таганрог вместе с дочерью Александрой, братом, Никитой Григорьевичем Волконским и его женой, Зинаидой Александровной Волконской, Софья

Григорьевна приняла участие в решении множества вопросов, касающихся будущей овдовевшей императрицы. Тогда же стали распространяться слухи о загадочной миссии С. Г. Волконской, о ее роли в судьбе государыни, оказавшейся после смерти супруга в крайне затруднительном положении, и о том влиянии, что обрела княгиня над вдовой [6].

После кончины вдовствующей императрицы Елизаветы Алексеевны (именно С. Г. Волконской довелось закрыть ей глаза) и трагических событий декабря 1825 г., непосредственным участником которых стал еще один брат Софьи Григорьевны, Сергей, понесший страшное наказание — каторгу и ссылку на поселение, жизнь семьи Волконских кардинальным образом переменялась: прежде близкие и дружеские отношения с мужем безвозвратно разрушились.

Если князь П. М. Волконский поддержал великого князя Николая и продолжил честное служение ему как императору, то княгиня демонстративно отказалась идти на какие бы то ни было контакты с ним и, практически одновременно, прервала почти полностью отношения с супругом. Летом 1827 г. С. Г. Волконская с дочерью впервые надолго уехала за границу (причем уехала на фрегате, который предоставил им сам Николай I) и не считала нужным скрывать свое нежелание жить в России, покоряясь новой власти. С той поры она, приезжая на родину, все чаще и чаще спешила уехать в Европу.

Первой в ряду европейских «стран-избранниц» была для С. Г. Волконской Италия. Фантастически богатая, С. Г. Волконская установила для себя в Италии собственные правила жизни, в ряду которых было небрежение внешними показателями финансовой состоятельности, решимость отстаивать свою точку зрения невзирая ни на какие привходящие обстоятельства, проводить время так, как требовала того ее натура. Словом, в Италии С. Г. Волконская чувствовала себя по-особенному вольготно, сюда она приезжала с особым настроением, стремясь разделить его с приглашаемыми членами своей многочисленной семьи и ближайшими друзьями.

Чаще всего С. Г. Волконская жила в Риме, у своей невестки, княгини Зинаиды Александровны Волконской — либо в палаццо Поли, у фонтана Треви, либо на виа Монте Брианцо, д. 20. Но лето–осень 1831 г. предпочла провести в Неаполе, где, по всей вероятности, и завязались ее дружеские контакты с двумя русскими музыкантами — Н. К. Ивановым и М. И. Глинкой.

Заманчиво было бы представить себе С. Г. Волконскую как великодушного мецената необеспеченных соотечественников, поддерживавшего их и материально, и морально. Но представление это будет исторически некорректно. К моменту встречи с С. Г. Волконской Иванов и Глинка уже вполне освоились в Италии, обзавелись многочисленными друзьями, побывали в Милане, Турине, Генуе, посетили горный курорт «Trescore», увидели Рим и, наконец, въехали в Неаполь, немало обеспокоенные холерной эпидемией июля–августа 1831 г., наступавшей на Милан. За плечами у каждого из них были пусть пока еще и маленькие, но все же вполне очевидные музыкальные победы, и отважные молодые музыканты были исполнены решимости «покорить Италию».

Неаполь был, по всей видимости, главной целью их итальянского путешествия [5, с.137]. Именно сюда Глинка планировал отправиться на «долгое житье», как писал он С. А. Соболевскому 13/2 ноября 1830 г. [2, с. 56]. Именно

здесь Иванов начал серьезные плодотворные занятия с известными итальянскими педагогами Андреа Ноццари и Жозефиной Фодор, а Глинка, присутствуя на занятиях, стремительно расширяя свой творческий кругозор и интонационный багаж, все активнее и активнее проявлял себя в сочинительстве.

На фоне повседневных музыкальных контактов и впечатлений от европейской музыкальной культуры и ее представителей, встречи с соотечественниками воспринимались с особой теплотой, даря возможность погрузиться в атмосферу домашнего уюта и почти родственной поддержки. Так, завязавшиеся именно в ту пору в Неаполе контакты Глинки с К. Брюлловым (к этому времени относится, как известно, единственный рисунок-портрет будущего композитора, сделанный Брюлловым) оказались для обоих художников столь значимы, что на десятилетия сохранили свою силу и привлекательность для каждого.

В этом же ключе оценивал Глинка и контакты с С. Г. Волконской, обширным кругом ее знакомых, родственников и друзей.

Намеренно оставляя в стороне любые упоминания о знаменитом муже С. Г. Волконской, подчеркнуто не связывая с ним восприятие облика и поступков этой весьма экстравагантной и очень самостоятельной русской «дамы-министерши», легенды о которой ходили по всей Италии, Глинка обращал внимание прежде всего на ее великодушие и искреннюю заботливость в отношении к соотечественникам и к нему лично.

С. Г. Волконская была примерно ровесницей матери М. И. Глинки, Евгении Андреевны. Быть может оттого начинающий композитор особенно ценил искреннюю, почти материнскую заботу княгини, проявлявшуюся во множестве простых поступков, сказывавшихся на жизни странников.

Так, в письме к С. П. Шевыреву из Неаполя от 29 октября / 10 ноября 1831 г. Глинка отмечал:

Если бы не княгиня Софья Григорьевна Волконская (которая приняла нас под свое особенное покровительство), мы бы, кажется, погибли в этом огромном, чужом для нас городе [2, с. 60].

«Особенное покровительство» С. Г. Волконской касалось всех сфер жизни русских музыкантов. Она охотно приглашала их на обеды, а узнав о существовавших у Глинки проблемах со здоровьем, даже определила его под опеку своего личного доктора Pizzati, благодарную память о чем Глинка хранил и годы спустя, упоминая об этом в Записках [1, с. 132].

Но салон С. Г. Волконской был привлекателен для Глинки и в ином отношении.

Постоянно пребывая в центре европейской музыкальной жизни, княгиня открывала двери своего дома самым ярким, самым влиятельным исполнителям и композиторам, охотно делаясь своими связями с соотечественниками. Так, именно в ее доме Глинка познакомился с В. Беллини, слава которого в то время гремела по всей Италии. Отношение к сочинениям Беллини у русского музыканта с годами менялось, но первое увлечение творениями итальянского маэстро Глинки пережил благодаря С. Г. Волконской.

Иначе складывались контакты М. И. Глинки с другой представительницей рода Волконских — Зинаидой Александровной (1789[1792?]-1862), также находившейся в это время в Италии. Правда, не в Неаполе, а в Риме, где княгиня жила практически безвыездно с 1829 г.

Будучи ненамного младше своей золовки, З. А. Волконская воспринималась современниками представительницей уже следующего, более свободного, более самостоятельного поколения российских аристократок. Богатство, воспитание, годы, проведенные еще в детстве в Европе, прекрасное образование, личное обаяние, множество разнообразных культурных интересов, особые отношения с государыней императрицей (которая в 1811 г. была восприемницей ее сына), с императором Александром I и неизбежное в этом случае участие в жизни империи — все это способствовало обретению З. А. Волконской особого статуса в обществе, а ее отношение к брату мужа, декабристу С. Г. Волконскому, ее открытая поддержка отчаянного поступка супруги Сергея Григорьевича Волконского и ставшее знаменитым публичное прощание с ней в Москве создали Зинаиде Александровне репутацию дерзкой бунтарки, обеспечив горячую поддержку множества либералов. В том числе — и из художественной среды.

К 1830-м гг. за спиной З. А. Волконской были не только общественно-политические демарши. Она становилась все более и более известной как творческая личность: создательница оперы, ряда камерных сочинений, интересная исполнительница. Дружеские связи З. А. Волконской с представителями художественной интеллигенции России и Европы в это время ощутимо крепли. Она блистала в обществе, покоряя мужчин различного возраста, социального статуса не только внешними данными, но и тем личностным, творческим потенциалом, что так ярко раскрывался в ней в эти десятилетия. Неудивительно, что в ряду покоренных обаянием З. А. Волконской оказались и А. С. Пушкин, и Д. В. Веневитинов.

Точно установить, когда состоялось знакомство Глинки с З. А. Волконской, затруднительно. Безусловно, слухи о московском салоне княгини 1820-х гг. были известны в Петербурге. Мог Глинка знать и о композиторском опыте Зинаиды Александровны, и о ее несомненном вокальном даре [4]. Но были ли эти знания подкреплены непосредственным личным общением, бывал ли будущий композитор в ту пору на знаменитых московских вечерах З. А. Волконской в доме Белозерской-Белосельской, сказать сложно [3].

Иное — в отношении контактов Глинки с З. А. Волконской в Италии.

Есть свидетельства того, что уже в первой половине 1830-х гг. Глинка причислял себя к числу добрых приятелей З. А. Волконской, ее супруга, князя Никиты Григорьевича Волконского (1781–1844) и их сына, молодого князя Александра.

Никита Григорьевич, еще один знакомец Глинки из рода Волконских, оставил к тому времени военную службу и вместе с семьей обосновался в Италии. Как и его свояк, министр Императорского двора и уделов П. М. Волконский, Николай Григорьевич был участником Наполеоновских войн, сделавшим серьезную военную карьеру. Но, поддержав жену, горячо сочувствуя семье опального брата, отбывающего после декабрьского восстания 1825 г. каторгу и ссылку, ушел в отставку, разорвав большинство русских связей и, приняв, как и супруга, католичество, остался до конца своих дней в Италии.

Осенью 1831 г., будучи в Риме, Глинка и Иванов встречались с З. А. Волконской и Н. Г. Волконским в их итальянском доме.

Встречи эти подарили Глинке возможность сблизиться не только с семьей Волконских, но и со многими друзьями семьи, так или иначе связанными с ее интересами.

Так, именно в итальянском доме Волконских укрепились дружеские связи Глинки со Степаном Петровичем Шевыревым (1806–1864), имевшим в то время уже крепкую репутацию в русских литературных кругах и взявшим на себя обязанности наставника сына Волконских, готовя того к поступлению в Московский университет.

В «Записках» о событиях 1831 г. композитор вспоминал:

«в начале октября». Из Livorno отправились мы также на пароходе в Civitta vecchia, а оттуда в Рим, где пробыли около двух недель. В то время жила там княгиня Зенеида Волконская, в качестве наставника при сыне ее был Шевырев, известный теперь профессор Московского университета, с которым я познакомился в 1828 г. в Москве, у Мельгунова. Он в продолжение моего пребывания в Риме был моим cicerone и показал мне все достопримечательности с объяснениями [1, с. 128].

Контакты с Шевыревым продолжились и позднее. Памятуя о той роли, что играл литератор в семье З. А. Волконской, Глинка в дружеском письме к Шевыреву из Неаполя от 29 октября/10 ноября 1831 г. подписывал от своего имени и от имени Н. К. Иванова:

Наше глубокое почтение княгине Зинаиде Александровне и всем вашим. Поблагодари их еще раз за их милостивое к нам расположение [2, с. 61].

И, 10/22 ноября в письме к нему же:

Иванов тебе усердно кланяется. Поклонись от нас князю [2, с. 62].

«Все ваши» — это родственники, друзья, знакомые, посещавшие итальянский салон З. А. Волконской. Это и сестра Зинаиды Александровны, Мария Александровна Власова (урожденная Белосельская-Белозерская), оставившая Россию вместе с З. А. Волконской, и граф М. Риччи, сложные отношения с которым З. А. Волконской существенно сказывались на внутрисемейной атмосфере в доме княгини, и художник Федор Бруни со своей молодой избранницей Анжеликой Серни, чей сложный многолетний роман занимал внимание многих, бывавших у Волконских, и писатель, переводчик Н. М. Рожалин, который вместе с Шевыревым готовил сына З. А. Волконской к поступлению в университет.

Покинув Рим, переехав в Неаполь (где началось активное общение музыкантов с С. Г. Волконской, о котором уже шла речь выше), оказавшись в центре сложных переговоров Н. К. Иванова с российскими чиновниками, и в частности с министром П. М. Волконским, Глинка намеревался переехать в Милан и планировал заехать ненадолго в Рим. К этому времени и относится письмо Глинки к З. А. Волконской, отправленное им из Неаполя 23 февраля 1832 г., т. е. накануне отъезда. В нем Глинка сообщал княгине о ходе музыкальных занятий

Иванова с Ноццари и Фодор, упоминал о своем искреннем желании вернуться хотя бы на несколько дней в Рим, сетовал на новые проблемы со здоровьем.

Откликаясь на изложенное в письме предложение княгини выступить перед римскими слушателями, Глинка письменно отказался от предоставляемой ему чести, мотивируя свой отказ тем, что последнее время совсем «забросил свое фортепиано» [3, с. 454]. Однако оставлял за собой возможность, обретая должную форму, все же подняться на сцену, «лишь бы только немногие дни», которые он предполагал провести вскорости в Риме, «позволили <...> принять участие в отличной музыке, исполняемой под <...> покровительством» З. А. Волконской [3, с. 454].

Скорее всего, планировавшийся концерт так и не состоялся. Глинка отправился в Болонью и далее, через Парму, Модену и Пиаченцу, прибыл в Милан. Существовала ли более поздняя переписка Глинки с З. А. Волконской — неизвестно. Странная, почти мистическая судьба архива княгини, разошедшегося по всему миру, дает надежду на то, что когда-нибудь где-нибудь всплывут сведения о позднейших эпистолярных контактах композитора и его итальянской патронессы.

Сохранившиеся же на сегодняшний день документы вынуждают говорить о том, что, покинув Италию, с княгинями Волконскими Глинка больше не встречался и не переписывался. Был ли он посвящен в перипетии жизни семьи Волконских, знал ли, помнил ли о том конфликте, что разделил судьбы министра Императорского двора П. М. Волконского с самыми близкими ему людьми — женой, ее братом и его семьей, неизвестно.

Несомненно одно: впечатления о былых итальянских встречах с княгинями Волконскими композитор хранил в памяти, хотя по мере взросления как личность, как профессионал, отходил от тех итальянских увлечений, которыми жил в молодости. Но контакты с членами семейства Волконских не порывал, обратив особое внимание на сына П. М. и С. Г. Волконских — Григория Петровича и его дальнего родственника, Михаила Дмитриевича Волконского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глинка М. И. Записки // Михаил Иванович Глинка. Литературное наследие / под ред. В. Богданова-Березовского. — Л.; М.: Государственное музыкальное издательство, 1952. — Т. I: Автобиографические и творческие материалы.
2. Глинка М. И. Литературное наследие / под ред. В. Богданова-Березовского. — Л.: Государственное музыкальное изд-во, 1953. — Т. II: Письма и документы.
3. Зильберштейн И. Новонайденное письмо М. И. Глинки к З. А. Волконской // Памяти Глинки. 1857–1957: Исследования и материалы. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 441–457.
4. Иванова Е. В. Зинаида Волконская: певица, музыкальный деятель, композитор: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — СПб., 2008.
5. Петрушанская Е. М. Михаил Глинка и Италия. Загадки жизни и творчества. — М.: Классика XXI, 2009.
6. Привалихина С. Тайная миссия княгини Волконской // Красноярский рабочий. — 2007. — 7 марта.